

A photograph of three women walking along a cobblestone path in a picturesque Italian town. The woman on the left wears a green dress, the middle woman a floral dress, and the woman on the right a red polka-dot dress and a straw hat. They are all smiling and laughing. In the background, there are stone buildings, cypress trees, and rolling hills under a warm, golden sky.

МИРА ЛИНЧ

Пышки
♥
♥ в Италии

НЕ ХУДЕЕТСЯ,
ЗАТО ВЛЮБЛЯЕТСЯ

Мира Линч

**Пышки в Италии. Не
худеется, зато влюбляется**

«Литнет»

2026

Линч М.

Пышки в Италии. Не худеется, зато влюбляется / М. Линч —
«Литнет», 2026

Когда кажется, что лучшие годы позади, самое время купить билет в Италию. Три подруги, три разбитых сердца, один отпуск, который должен был стать передышкой... Но вместо диет, комплексов и попыток всем понравиться их ждут солнечная Тоскана, аромат свежей пасты, итальянские улочки, неожиданные чувства и шанс начать жизнь заново. Тёплая, смешная и вдохновляющая история о том, что счастье не начинается после идеальной фигуры. Оно начинается в тот момент, когда ты наконец выбираешь себя.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Диета начинается завтра	5
Глава 2. Чемодан надежд и пять платьев	10
Глава 3. Добро пожаловать в Италию, синьоры пышки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1. Диета начинается завтра

Кафе «Уют» на Пятницкой пахло корицей, жареным луком и легкой безысходностью, которая почему-то всегда витает в московских заведениях общепита поздним ноябрьским вечером. За окнами, в серой, похожей на мокрую вату мгле, бесконечно моросил дождь, заставляя прохожих вжимать головы в плечи и ускорять шаг, будто это могло их спасти от всепроникающей сырости. Лена сидела спиной к этому унылому пейзажу и тупо смотрела в телефон, застывший на фотографии, которую она нажала на кнопку «увеличить» уже, кажется, в двадцатый раз. Качество было отвратительным, зернистым, но она всё равно видела каждую деталь. Видела, как её бывший муж, Антон, с которым они прожили пятнадцать лет и развелись три года назад, нежно придерживает за талию какую-то девушку с идеальной осанкой и точеными ножками, торчащими из-под короткого платья. На девушке была шуба, которая стоила, наверное, как годовой бюджет средней московской семьи, и она светилась счастьем. Ну, или тем, что выдавала за счастье улыбка, обнажающая белоснежные виниры. Лена поймала себя на том, что её собственный палец, которым она водила по экрану, чтобы разглядеть все морщинки под глазами конкурентки, слегка дрожит. Не от злости. От какой-то ледяной, всепоглощающей усталости.

— Лен, ну хватит, — голос Оли, звонкий и чуть хрипловатый от вечного желания казаться своей в доску, ворвался в её размышления. Оля отобрала телефон и, не глядя, бросила его в общую кучу ключей и салфеток на столе. — Ещё одну минуту, и я расплачусь над твоим кофе, а кофе уже и так остыл. Ты бы ещё его под микроскопом рассмотрела. Что ты там ищешь? Изъяны? Их нет. Синяков под глазами у неё нет, целлюлита на ягодицах тоже не видно. Сдавайся. Она — робот, посланный специально, чтобы ты чувствовала себя дерьмово.

Лена вздохнула и, подчиняясь, пододвинула к себе чашку с остывшим латте. Жидкость обожгла горло, хотя она и была лишь тёплой. Горькая.

— Я не ищу изъяны, Оль. Я ищу... я не знаю, что я ищу. Может быть, ответ на вопрос: почему я не могу быть, как она? Почему я ношу эти... — она обвела рукой свой бежевый, безупречно выглаженный и абсолютно бесформенный кардиган, который делал её похожей на гуманитарный факультет в миниатюре, — эти балахоны, в которых можно спрятать всё, что угодно, включая собственную личность. А она — вот она. Вся на виду. И ей, судя по всему, кайфово.

Марина, самая старшая из троих и самая молчаливая в этот вечер, оторвала взгляд от окна, где размытые фары машин чертили в дожде красные и жёлтые полосы. Она аккуратно поправила салфетку, которая никуда не сдвигалась, и тихо, но очень весомо произнесла:

— Она просто другая. И дело не в шубе и не в ногах. Дело в том, что она не привыкла считать, сколько денег осталось до зарплаты и что сказать учительнице, когда сын принёс двойку по физике. А ты привыкла. Мы все привыкли.

— Ой, Марин, не начинай, — Оля закатила глаза, наматывая на палец длинную прядь своих ярко-рыжих, явно крашенных, но безумно идущих ей волос. — Ты сейчас скажешь про «разное счастье», про «внутреннее содержание», а я скажу, что внутреннее содержание хочется иногда упаковать в красивое платье, а не в это вот всё. — Она кивнула на бежевый кардиган Лены, и та непроизвольно съёжилась, как будто её в чём-то уличили.

— Содержание, — эхом отозвалась Лена. — Вот у меня его в последнее время столько, что я боюсь на весы вставать. Я начала новую жизнь в прошлый понедельник. Я даже купила приложение на телефон, которое считает калории и ругает меня, если я съела лишний огурец. И что? Вчера я доела пачку «Рафаэлло», глядя на его фотки. Назло! Себе, ему, этому дурацкому приложению... Это же абсурд!

— А у меня, — Оля театрально вздохнула, — отказали в работе из-за возраста. Представляешь? Мне сказали: «Вы, Ольга, очень харизматичны, но мы ищем более молодого специалиста для нашего динамичного коллектива». Динамичного! Я им чуть не сказала, что я динамичнее их всех вместе взятых, просто у меня запас динамики лежит в вине и в шутках, а с утра я её не включаю. Я три часа собиралась на это собеседование! Я надела свой лучший костюм, который, кстати, на мне уже застёгивается с трудом, но я его надела, потому что он меня... он меня вдохновлял! Вдохновлял, Карл! А они мне говорят: «До свидания».

Она с силой сжала в руках салфетку, и та превратилась в мокрый комочек. Лена на секунду забыла о своём горе и с сочувствием посмотрела на подругу. Оля всегда была мотором, душой компании, той, кто генерировал идеи на миллион и никогда не унывал. Но сейчас, в тусклом свете кафе, в её глазах промелькнула та самая уязвимость, которую она так тщательно прятала за маской вечной оптимистки.

— Оль, да пошли они, — сказала Лена, чувствуя, как внутри неё самой, где-то под слоем бежевого кардигана и остывшего кофе, закипает слабое, почти забытое чувство солидарности. — Ты у нас талант. Ты на своём месте будешь... Ты...

— Ты просто идиотка, Олька, — мягко, с материнской улыбкой, перебила её Марина. — Ты — талант. И любому «динамичному коллективу» нужен кто-то, кто разрядит обстановку, а не станет её частью. А эти... не поняли. Их проблема.

— А моя проблема в том, — тихо и очень серьёзно сказала Марина, переведя взгляд на свои руки, аккуратно сцепленные в замок на столе, — что мой муж не заметил, что я сделала стрижку. Знаешь, как я ждала, что он скажет хоть слово? Я два часа просидела в кресле, заплатила кучу денег, это была моя маленькая революция, мой бунт против того, что я превратилась в табуретку. Я пришла домой, приготовила ужин, нарезала салат, вытерла пыль, которая, боже мой, даже меня саму раздражала, села рядом с ним, такая обновлённая, легкая...

Лена и Оля замерли. Марина была их скалой. Замужем за Юрием, инженером с вечно скучающим лицом, она, казалось, жила по расписанию: работа, дом, муж, сын, который уже учился в институте и почти не приезжал. Она всегда была спокойна, уравновешенна, мудра. Никто из них не мог представить, что у этой скалы могут быть трещины.

— И что он сделал? — шёпотом спросила Оля.

— Он спросил, сколько стоит этот борщ, — Марина горько усмехнулась, и в её глазах мелькнула такая тоска, что Лене захотелось её обнять. — Он не заметил, что у меня на голове теперь не просто седые волосы, окрашенные в пепельный, а стильная короткая стрижка, которая должна была мне, по замыслу парикмахера, добавить десять лет жизни и убрать пять лет возраста. Он спросил про борщ. Потому что картошка в этом месяце подорожала, и он был зол. Его мир сузился до цены на картошку. И я в этом мире — табуретка, у которой есть рука, чтобы наливать борщ.

Тишина в кафе стала густой и вязкой. Где-то на кухне звенела посуда, бармен за стойкой лениво протирал бокал, а три женщины, три абсолютно разных, но таких похожих в своём одиночестве, смотрели друг на друга. Лена смотрела на Олю, которая пряталась за смехом и яркими платьями, боясь, что её кто-то бросит. Оля смотрела на Марину, которая растворилась в семье и забыла, что она женщина. Марина смотрела на Лену, которая привыкла всё контролировать и считать калории, боясь, что никто не полюбит её «такую, раздутую».

И в этот момент Лена поняла, что больше не может. Не может сидеть здесь, в этом городе, где дождь идёт по расписанию, где все уже поняли, кто ты есть, и не ждут от тебя чуда. Она посмотрела на остывший кофе, на скомканную салфетку Оли, на усталые глаза Марины, и внутри неё что-то щёлкнуло.

— Значит, так, — сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. — Я перестаю есть «Рафаэлло». И перестаю смотреть на фотки. Я просто... я устала ждать под-

ходящего момента для счастья. Счастье, блин, должно быть сейчас. Иначе оно превращается в вот это всё.

— Именно! — тут же подхватила Оля, оживая на глазах. — Хватит ждать! Мы всю жизнь ждём: когда похудеем, когда получим повышение, когда мужчины перестанут быть идиотами. А они не перестанут! Это факт. Значит, надо менять декорации.

— Декорации — это хорошо, — задумчиво произнесла Марина, и в её голосе проскользнула едва заметная заинтересованность. — Даже если просто переставить мебель, уже легче дышится. А то я уже начинаю чувствовать, что наша кухня — это моя клетка. Я могу назвать тебе цену каждого огурца в холодильнике, но не могу вспомнить, когда в последний раз улыбалась просто так. Без повода.

— А что если... — Оля подалась вперёд, и в её глазах загорелся тот самый сумасшедший, авантюрный огонёк, который всегда приводил их к самым безумным решениям. — А что если мы просто... возьмём и уедем? Прямо сейчас. Ну, не прямо сейчас, а... в ближайшее время.

Они переглянулись. Идея была настолько безумной, настолько «не по-взрослому», что все трое одновременно фыркнули.

— Куда уедем? — скептически подняла бровь Лена. — На дачу к твоей тёте под Смоленск? Там тоже дождь и картошка.

— В Италию! — выпалила Оля, и это слово, произнесённое вслух, повисло в воздухе, как праздничный фейерверк, разрезая серую пелену московской тоски. — В Италию! Там нет дождя. Там солнце! Там пахнет кофе, пиццей и любовью. Там едят пасту и не считают калории, потому что там от неё не толстеют, там от неё... там становятся счастливыми! Я читала! И что мы теряем? Лен, ты сидишь тут, в этом уютном болоте, и жуёшь «Рафаэлло», Маринка, ты боишься, что без тебя дом рухнет, а я... я боюсь, что меня никто не полюбит, потому что я не влезаю в платье. А там... там, говорят, любят даже с целлюлитом! Даже с борщом! Даже в бежевом кардигане!

— Оля, прекрати нести чушь, — Лена попыталась улыбнуться, но её сердце бешено заколотилось. Она всегда была ответственной. Она всегда планировала всё на три года вперёд, составляла списки, расписания, диеты, планы спасения мира и себя самой. Но вот так... бросить всё и уехать? Это было безумие. Это было абсолютное, чистейшей воды безумие. Но почему-то в этом безумии была такая невероятная, сладкая свобода, что у неё перехватило дыхание.

— А почему бы и нет? — вдруг очень спокойно произнесла Марина. Она посмотрела на часы. Было половина десятого вечера. Дома её ждал Юрий, который, скорее всего, уже проверил, сколько стоит картошка на завтра. И в этот момент Марина поняла, что дома её никто не ждёт. Её ждут обязанности. А её саму — нет. — Почему бы и нет, Лена? Ты контролируешь всё. Ты контролируешь свой вес, свою жизнь, свои эмоции. И что ты контролируешь в итоге? Ты контролируешь своё несчастье. Отпусти контроль. Просто разок.

— Я не могу, — выдохнула Лена, и в этом «не могу» прозвучала такая искренняя боль, что Оля и Марина замолчали. — Я не могу... просто взять и уехать. У меня работа, у меня кот, у меня привычка... у меня, в конце концов, нет денег на билеты. У меня всё расписано. У меня...

— У тебя есть я, — Оля взяла её за руку. — У нас всех есть мы. Мы три дуры, которые боятся жить. Давайте будем бояться вместе. Где-нибудь под солнцем. С бокалом вина.

Лена посмотрела на Олю, потом на Марину. И увидела в их глазах то же самое, что чувствовала сама: отчаянную, дикую, непозволительную для их возраста и статуса жажду приключений. Она сделала глубокий вдох. Какое-то внутреннее сопротивление, державшее её в узде все последние годы, треснуло, как натянутая струна, которая перестала быть натянутой.

— Хорошо, — выдохнула она, и это слово вырвалось из неё, как выдох после долгой задержки дыхания. — Чёрт с вами. Но только для того, чтобы доказать вам, что это глупость. И чтобы вы отстали от меня со своими диетами и приключениями. Я могу купить билеты. У

меня есть накопления, которые я копила на «чёрный день». Похоже, этот день настал. И он будет... красным? Или жёлтым, как солнце?

— Ага! — взвизгнула Оля, и её голос эхом отразился от низкого потолка кафе. — Да! Я знала! Я знала, что ты согласишься! Готовь чемоданы, девочки! Мы едем в Италию есть пасту и искать приключения!

Она вскочила, подбежала к стойке и крикнула бармену, такому же скучающему, как и они сами, всего час назад:

— Эй, синьор! Дайте нам три бокала самого дешёвого шампанского, которое у вас есть! У нас сегодня праздник! Мы начинаем новую жизнь! С понедельника!

Бармен удивлённо пожал плечами, но через минуту перед ними стояли три пластиковых бокала с пузырящимся напитком. Они чокнулись. Звук получился незвонким, каким-то даже смешным. Они рассмеялись. Впервые за этот вечер — по-настоящему. Свободно. И в этом смехе, в этом хрустальном, почти забытом ощущении счастья, Лена поняла, что, возможно, это самое лучшее решение в её жизни. Или самое худшее. Но точно не скучное.

Они сидели в кафе до закрытия. Потом пошли по ночной Москве, под мелкий противный дождик, но он им уже не казался противным. Он казался частью их маленького безумного плана. Они обсуждали детали: куда поехать, когда, как отпроситься с работы. Шутили над тем, что будут есть, сколько поправятся и какие романы закрутятся с бородатыми итальянскими мачо.

А через неделю, когда дождь сменился первым, робким снегом, Лена сидела на кухне своей небольшой, но такой уютной квартиры, и смотрела на экран ноутбука. Там, на сайте авиакомпании, горели жирным шрифтом три слова: «Подтвердите бронирование». Билеты в Рим. Туда и обратно. Через три недели. На Новый год. Что может быть безумнее, чем встречать Новый год в Италии?

Она перевела взгляд на пустую миску из-под хлопьев, которую она сегодня утром съела, бездумно, стоя у холодильника. Потом на свои руки, которые, как ей казалось, стали немного стройнее? Или это просто отражение в матовом экране монитора делало их такими?

«С понедельника я начинаю новую жизнь», — машинально подумала она, но тут же усмехнулась. Понедельник был через два дня. А через две с половиной недели она будет сидеть в кафе во Флоренции, пить настоящий итальянский кофе и смотреть на прохожих. И ей будет плевать, толстая она или худая. Ну, почти плевать.

Она нажала «Подтвердить».

И в этот момент, будто в ответ, пришло сообщение от Оли в общий чат, который они называли «Жирные итальянские пышки»:

«Девочки! А какого размера мы будем брать платья? Я уже заказала себе одно. Красное. С глубоким декольте. Не надо говорить, что мне не идёт! Я буду носить его на пляже. А если не на пляже, то на ужине. А если не на ужине, то просто буду стоять в нём на балконе и петь арии. Потому что я так хочу!»

Марина ответила через минуту:

«Возьми три размера побольше. А то вдруг там будет обжорство. Говорят, там такие сладости...»

Лена улыбнулась. Она чувствовала себя девчонкой, которая впервые сбегает из дома на дискотеку. На душе было одновременно тревожно и невероятно легко. Она взяла свой телефон, открыла сообщение от бывшего мужа, которое тот прислал на днях («Лен, у тебя всё хорошо? Может, встретимся, обсудим какие-то дела?»), и просто его удалила.

Вместо этого она написала в общий чат:

«Я беру свой бежевый кардиган. А ещё я беру платье, которое надевала на выпускной. Если влезу — надену. Если нет — завяжу на поясе. В Италии все так делают. Я видела в кино. И не надо меня отговаривать!»

И они снова смеялись, пересылая друг другу дурацкие гифки и планируя своё безумное путешествие. В их маленькой квартире, в большом городе, который казался им теперь лишь трамплином к чему-то большему, витал запах свободы. И этот запах был гораздо слаще, чем запах корицы в кафе «Уют». Он пах морем, виноградом, и, кажется, немного итальянской пастой. Пусть всё это будет глупо. Пусть. Жизнь всё равно слишком коротка, чтобы считать калории и ждать понедельника. Сейчас был вечер пятницы, и он принадлежал им. И этот вечер был началом чего-то совершенно нового.

Глава 2. Чемодан надежд и пять платьев

Звонок Оли разбудил Лену в семь утра субботы. И это было первым нарушением всех мыслимых правил, потому что суббота в мире Лены была священным днём — днём, когда можно было не вставать, лежать в кровати, смотреть в потолок и ни о чём не думать. Но Оля, как всегда, плевала на священное.

— Лена! Ты спишь? — голос в трубке звенел так, будто его обладательница уже выпила три чашки эспresso и пробежала марафон.

— Теперь нет, — прохрипела Лена, зарываясь носом в подушку. — Оля, сейчас семь утра. У нас билеты через две недели. Мы не в поход собираемся.

— Именно! Мы собираемся в Италию! Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что мне нужно перемерить всё, что висит в шкафу, чтобы понять, что мне нечего надеть, и срочно купить это «нечего»! Я буду у тебя через час. Собирайся! Мы едем в ТЦ!

Лена хотела возразить, сказать что-то про то, что в Италии есть магазины и необязательно тащить с собой половину Москвы, но Оля уже бросила трубку. Лена вздохнула, села на кровати и посмотрела на открытый шкаф. Там, на плечиках, как приговор, висели строгие костюмы. Серые, чёрные, бежевые. Идеально выглаженные. И абсолютно безжизненные, как и она сама в последние пару лет. Иногда ей казалось, что эти костюмы — её настоящая униформа, в которой она ходит на работу, ходит в магазин, ходит даже на дни рождения к друзьям, потому что «вдруг что-то случится, и нужно будет выглядеть серьёзно». Она всегда была наготове. Всегда контролировала ситуацию. Всегда знала, что надеть, что сказать, что съесть.

Она подошла к шкафу и провела рукой по жёсткой ткани чёрного пиджака. Пиджак молчал. Он ничего не обещал. Он не говорил ей «ты красивая», он говорил «ты ответственная». И вдруг Лена поняла, что ненавидит его. Ненавидит всю эту тёмную, унылую гамму, в которой она растворилась, как та самая картошка в борще у Марины.

Она сняла пиджак с плечиков, и тот бессильно упал ей в руки, как сброшенная броня. Она посмотрела на него, потом на свою руку, потом на зеркало в полный рост, стоящее в углу. Там, в зеркале, стояла женщина в старой футболке и растянутых трениках. Взлохмаченная. Сонная. И какая-то... живая. Она не походила на женщину в сером костюме.

— А ведь Олька, наверное, права, — прошептала Лена и швырнула пиджак на стул, где он остался лежать бесформенной кучкой, как сдавшийся в плен солдат.

Оля ворвалась в квартиру ровно через сорок минут, и за ней, как за шлейфом, тянулся запах мандаринов, дорогих духов и легкого безумия. Она была в своём ярко-красном пальто, которое делало её похожей на пожарную машину, если бы пожарные машины носили туфли на каблуках и делали идеальный макияж даже в семь утра.

— Ну что, готова к великому пересмотру? — она скинула пальто прямо на пиджак Лены, и тот жалобно хрустнул под ним.

— Оля, я думаю, мне стоит взять пару деловых костюмов. Мало ли что... — начала Лена, но Оля закатила глаза так сильно, что, казалось, они сейчас выпадут из орбит.

— Деловых костюмов? Лен, мы едем в Италию, а не на конференцию бухгалтеров! Там солнце, там море, там, в конце концов, итальянские мужчины, которые пахнут дорогим одеколоном и говорят такие вещи, от которых у тебя подкашиваются колени, даже если ты просто просишь у них соль! Ты собираешься выходить на свидание в пиджаке?

— Я не собираюсь на свидание, я собираюсь... ну, посмотреть достопримечательности, — возразила Лена, чувствуя, как её собственные слова звучат уныло даже для неё самой.

— Достопримечательности, Лен? Достопримечательности! — Оля схватила её за плечи и развернула лицом к шкафу. — Смотри. На что ты смотришь? Ты смотришь на свою жизнь,

которая стала серой. Ты берёшь «на всякий случай» вещи, в которых будешь чувствовать себя несчастной. Не надо брать «на всякий случай». Надо брать то, от чего хочется танцевать!

Она ловко прошла по шкафу Лены, вытаскивая вещи одну за другой, как фокусник вытаскивает платки из рукава.

— Это? Нет. Это? Нет. О, господи, Лена, зачем тебе это оливковое безобразие? Оно старит тебя на десять лет! А это? — она вытащила платье, которое Лена купила в прошлом году на распродаже и ни разу не надела — тёмно-синее, длинное, с завышенной талией. — Вот! Это что?

— Пыль собирает, — честно призналась Лена.

— Сейчас будет собирать комплименты, — Оля сунула платье в руки Лены. — Примерь.

— Сейчас? — Лена посмотрела на часы. — Оля, мы хотели ехать в ТЦ, а ты меня переодеаешь как куклу.

— Мы никуда не едем, пока я не пойму, что ты хоть что-то берёшь с собой, кроме этих унылых тряпок, — отрезала Оля. — Примеряй. Я хочу видеть, как ты выглядишь, когда на тебе не костюм следователя.

Лена вздохнула, но, чувствуя себя ужасно неловко, всё-таки надела платье. И когда она посмотрела в зеркало, она на секунду замерла. Ткань мягко облегла фигуру, скрывая то, что нужно скрывать, и подчёркивая то, что она сама уже перестала замечать. Талия, которая всё ещё была талией. Грудь, которая была не просто «объёмом», а... женственной. Она повернулась боком.

— Ты... ты серьёзно? — выдохнула она. — Я в нём выгляжу... нормально?

— Ты выглядишь «зашибись», Лена, — Оля подошла сзади и положила руки ей на плечи, глядя на их общее отражение. — Ты выглядишь так, будто у тебя свидание с самым красивым мужчиной в мире. И он будет смотреть на тебя и думать: «Какая красивая женщина. Интересно, она замужем?»

— Я не замужем, — автоматически ответила Лена, и тут же почувствовала, как что-то кольнуло внутри. Она разведена. Это было фактом. Но Оля умела превращать факты в повод для смеха.

— Я знаю, что ты не замужем. И все вокруг знают. Но он не будет знать. Он будет видеть женщину, которая пьёт вино, смеётся и не боится жизни. А когда ты в этом своём бежевом кардигане, ты выглядишь как женщина, которая боится, что у неё украдут пенсию.

Лена фыркнула, но в этом фыркание уже не было раздражения. Она снова посмотрела на себя в зеркало. Грустные глаза, которые она так старательно прятала за очками (хотя зрение у неё было почти идеальное), теперь казались не грустными, а задумчивыми. И в них, кажется, появлялась искорка.

— Ладно. Я беру это платье, — сказала она твёрдо. — Но я не надену его, если у меня не будет подходящих туфель.

— О, туфли! — Оля радостно захлопала в ладоши. — Это моя тема. Я уже купила себе пять пар. Пять! Потому что я не знаю, что мы будем делать: гулять по городу, сидеть в ресторане, танцевать на площади, или, может быть, убегать от быков. У меня на всё есть туфли. А от быков я взяла кроссовки. Но они тоже красивые, с блёстками.

— Зачем нам убегать от быков? — Лена улыбнулась, и улыбка была настоящей. — Мы едем в Италию, а не в Испанию.

— А вдруг мы перепутаем? — серьёзно спросила Оля. — Вдруг мы перепутаем самолёт и попадём в Испанию? Надо быть готовыми ко всему! А ты собираешься брать с собой только «всякие случаи», Лен. Нет, ну правда. Мы с тобой, Маришка. Каждая в своём мире. Маринка берёт удобные вещи, потому что она едет не за приключениями, она едет... ну, она просто едет. Я беру всё, потому что я хочу быть готовой к любому повороту сюжета. А ты берёшь скуку. Давай хотя бы попробуем не брать скуку.

В этот момент в дверь позвонили. Это была Марина, которая, как всегда, была пунктуальна, спокойна и пришла ровно в назначенное время, даже если время не было назначено. Она вошла, сняла своё пальто неброского, но приятного серо-голубого цвета, и аккуратно повесила его на вешалку, где уже висели алые одежды Оли и костюмная броня Лены.

— Ну что, девочки, — сказала она своим тихим, ровным голосом. — Как проходит подготовка к великому побегу?

— Лена собирается взять с собой весь свой гардероб уныния, — тут же отрапортовала Оля. — Марин, скажи ей, что она не права. Что она должна брать только то, в чём чувствует себя красивой. А в чём она чувствует себя красивой? Вот в этом платье! — она ткнула пальцем в синее платье, которое Лена всё ещё держала в руках.

Марина подошла, посмотрела на платье, потом на Лену. И сказала очень просто:

— Оно красивое. Идёт тебе. Возьми его. И ещё возьми что-нибудь красное. Тебе идёт красный. У тебя глаза, которые становятся ярче, когда ты радуешься. А красный цвет радует.

Лена почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она никогда не думала, что ей идёт красный. Она всегда считала, что красное — для молодых и худых. А она была... ну, она была собой. Но когда Марина, эта вечная скала, сказала просто и без пафоса, Лена ей поверила.

— Хорошо, — выдохнула она. — Я возьму красное. Если найдётся такое, в которое я влезу.

— Влезешь, — улыбнулась Марина. — Ты влезешь в любое платье, если в нём будешь счастлива. А теперь давайте собираться. И, Оля, пожалуйста, не бери пять пар туфель. У нас ограничение по весу на багаж.

— Ограничение? — Оля возмущённо посмотрела на неё. — Марин, это мои туфли! Они моя душа! Они моя поддержка! Я без них упаду.

— Они десятый пункт в списке «самое важное», — отрезала Марина, но в глазах у неё танцевали смешинки. — Первый пункт — ты, второй — твой юмор, третий — паспорт, четвёртый — деньги, пятый — аптечка, шестой — тушь для ресниц, потому что ты без неё чувствуешь себя голой, седьмой — туфли на один каблук, восьмой — туфли на другой каблук, девятый — туфли для танцев, десятый — всё остальное. Договорились?

Оля надула губы, но потом улыбнулась.

— Ты просто невозможна, Маринка. Ты превращаешь хаос в систему. Но я тебя люблю. Так и быть, я возьму только четыре пары. И все они войдут в один чемодан! Я всё утрамбую!

Они рассмеялись. Лена смотрела на подруг, на их лица, и чувствовала, как где-то внутри начинает разливаться тёплое, давно забытое чувство. Это не было счастьем в полном смысле — скорее предвкушением. Как в детстве, когда ждёшь Новый год и знаешь, что под ёлкой лежит подарок, и ты не знаешь, какой, но точно знаешь, что он будет. В этот раз подарком была Италия.

Они собрались на кухне у Лены, пили чай (Оля тайком добавила в свой коньяк из шкафа, который Лена держала для гостей, о чём Лена сделала вид, что не замечает), и обсуждали. План был таким.

— Мы летим в Рим, — говорила Лена, водя пальцем по распечатанному маршруту, который она, конечно, уже составила. — Первые три дня в Риме. Потом поезд во Флоренцию. Потом машина напрокат и поедем по тосканским городкам. Финал — деревушка в Тоскане, где мы будем три дня просто пить вино и ничего не делать.

— И есть пасту, — добавила Оля, — много пасты. Я уже составила список ресторанов, где говорят, что самая лучшая паста в мире. А ещё я составила список десертов. Там двадцать пунктов.

— Ты съешь двадцать десертов за две недели? — недоверчиво спросила Марина.

— Я съем двадцать десертов за два дня, — парировала Оля. — Я не ела сладкое месяц. Я сидела на диете. Я была послушной. Я была правильной. И что в итоге? Я стала злой и несчаст-

ной. В Италии я буду есть всё. Я даже буду есть то, что не люблю, просто чтобы попробовать! Потому что я еду жить, а не худеть.

— Это мы и обсуждали, — Лена взяла блокнот и написала на чистом листе крупными буквами: «ПРАВИЛА».

— Правило первое, — произнесла она торжественно. — Не считать калории. Мы в Италии. Мы не знаем, сколько калорий в той пасте, которую нам подадут, и знать не хотим. Если ты считаешь калории, ты не наслаждаешься. Ты просто переводишь еду в цифры.

— Согласна, — кивнула Марина. — Я тоже перестаю. Я столько лет считала, что можно, что нельзя. А в результате... не знаю. Я даже забыла вкус нормального хлеба. Нормального, тёплого, итальянского хлеба, который пахнет так, что хочется целовать его.

— Правило второе, — Лена продолжала, чувствуя себя командующим парадом, но в этот раз парад был её собственной жизни. — Не говорить о бывших. Ни о моём Антоне, ни о твоих Иванах-Сергеях-Николаях, Оля, ни о Юре, Марин. Мы едем в Италию не за тем, чтобы вспоминать, как нас бросили или не замечали. Мы едем за тем, чтобы забыть, что мы вообще были чьими-то. Мы свои собственные.

— Свои собственные, — повторила Оля, и в её голосе мелькнула лёгкая грусть. — А как это? Я никогда не была своей. Я всегда была дочерью, подругой, начальником, но никогда — просто Олей. Я даже не знаю, какая я, когда я одна.

— А мы узнаем, — твёрдо сказала Марина. — В Италии. Вместе. Мы узнаем, какие мы.

— И правило третье, — Лена зачеркнула листок и подняла глаза. — Не отказывать себе в маленьких радостях. Если хочется купить дурацкий сувенир — купить. Если хочется съесть ещё один кусок тирамису — съесть. Если хочется улыбнуться незнакомому итальянцу — улыбнуться. Мы три с половиной... ну, почти сорок — и мы имеем право на маленькие радости.

— Ура! — Оля подняла чашку с чаем, как бокал. — За маленькие радости! За Италию! За то, что мы, наконец, начинаем жить, а не просто существовать!

— За Италию, — эхом отозвалась Марина.

— За нас, — тихо добавила Лена.

Они чокнулись чашками. Звук был лёгким, почти воздушным.

И они начали собираться. Это превратилось в настоящий спектакль.

Лена, как и обещала, пыталась выбрать вещи, но её рука машинально тянулась к серым и чёрным. Каждый раз, когда она касалась чего-то безопасного, Оля подбегала и выхватывала из рук, как снайпер, поражающий цель.

— Не-не-не, это не надо! А вот это, — она протягивала Лене яркий топ, — это надо. Ты в нём будешь как ягодка. И не говори мне, что он слишком открытый. В Италии все ходят открытыми. Это у них традиция. И вообще, ты что, думаешь, что там все смотрят друг на друга с осуждением? Там смотрят с восхищением! И восхищаются даже те, у кого есть лишний килограмм, потому что там — культ еды и жизни, а не культ анорексии.

Марина в это время спокойно складывала свой чемодан, который был лёгким и аккуратным. Она брала только самое нужное: пару свитеров, пару джинсов, несколько футболок, лёгкое платье на случай, если «они пойдут куда-то вечером». Она не пыталась казаться моложе или легче. Она просто хотела быть собой — и это было её главное оружие, о котором она сама ещё не знала.

К вечеру у них было три чемодана. У Оли — огромный, похожий на багажник клоуна, набитый платьями всех цветов радуги и пятью парами туфель (она всё-таки взяла пять, потому что «вдруг что-то произойдёт»). У Лены — средний, в котором лежало одно синее платье, одно красное, пара удобных брюк, несколько топов, и на самом дне — один серый костюм, завернутый в целлофан, на всякий случай. «Ну вдруг мы пойдём в оперу», — сказала она сама себе, но слышала, как где-то в глубине души смеётся Оля. У Марины — маленький, аккуратный, похожий на саму Марину — без лишнего шума, но со всем необходимым.

И вот они сидели на полу в комнате Лены, смотрели на три чемодана, и смеялись. Это был смех, который рождается не от удачной шутки, а от ощущения невероятного, почти невозможного счастья. От того, что они — три взрослые женщины, с разными судьбами, разными страхами, разными комплексами — решились на безумство.

— Ну что, девочки? — спросила Оля, утирая слезы. — Кто-нибудь помнит, как мы решили не говорить о бывших?

— Ты первая вспомнила, — усмехнулась Лена. — Ты весь день что-то говорила про своих.

— Потому что это смешно, — отмахнулась Оля. — А я хочу быть смешной. Я хочу, чтобы в Италии я была не просто женщиной, которая боится, что её бросят, а — женщиной, которая всех смешит. И которой кайфово.

— А я хочу быть просто женщиной, — тихо сказала Марина, и её голос прозвучал так искренне, что обе подруги замолчали. — Я хочу понять, что я чувствую, когда я не должна ничего никому. Просто хочу вспомнить, что я — не просто чья-то жена, мать, дочь, сотрудница. А просто — Марина. И мне кажется, что в Италии я вспомню, каково это.

— Мы все вспомним, — сказала Лена, сжимая их руки. — Мы все будем себя искать. И, наверное, найдём. Или не найдём, но хотя бы попытаемся. А это уже что-то.

Они сидели и молчали. За окнами Москвы уже стемнело, зажглись огни, пошёл мелкий, колючий снег. Но в маленькой квартире на Пятницкой было тепло. Не от батарей. От другого тепла — от дружбы, от предчувствия, от надежды. В чемоданах лежали вещи, а в их душах — мечты. И впереди была Италия. Паста, вино, солнце и, возможно, настоящие итальянские улыбки. И, кажется, даже строгий серый костюм, который всё-таки пролез в чемодан Лены, уже не выглядел таким унылым. Потому что он лежал рядом с красным платьем, и они, наверное, тоже дружили. Как и они сами. Как всё должно было быть.

Глава 3. Добро пожаловать в Италию, синьоры пышки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.